

Атмосфера за ужином была не самой лёгкой. Мяомя сказала:

— Да ладно вам! Они просто уехали по делам и какое-то время не будут здесь жить. Вам двоим не надо вести себя как неотёсанные младенцы, которые не могут расстаться с мамкой. Слишком уж трогательно, аж тошно.

Ся Сяюй не выдержала и бросила на Мяомя яростный взгляд. Тан Чжань потер нос и тихо возразил:

— Да нет же.

Е Бухуэй и Лу Мань не смогли сдержать улыбок. Оба они улыбались редко, и сейчас одна улыбка была подобна тёплому вечеру, а другая — тающему снегу.

В тот вечер Е Бухуэй и Лу Мань больше не выходили. Каждый из них беседовал с Ся Сяюй и Тан Чжанем соответственно. Назвать это беседой можно было лишь условно — по сути, это были последние наставления.

Мяомя язвительно проворчала:

— В компании из пяти человек всегда есть лишний. Я — та самая сиротливая капустка, о которой никто не печётся.

Е Бухуэй искренне возразила:

— Когда мы уедем, они будут полностью в твоём распоряжении.

Мяомя снова скривила губы:

— То есть, просто присматривай за детишками, я поняла.

Е Бухуэй считала, что передала Ся Сяюй все свои боевые приёмы, и добавить было нечего. К тому же та была весьма талантлива и безжалостна к себе — обладая обоими качествами, со временем она непременно станет настоящим мастером.

Вообще-то, сейчас её сила уже была немалой, и обычный человек не мог бы легко к ней приблизиться. Потому поговорить Е Бухуэй хотела скорее о психологических проблемах девушки.

— Хотя нынешняя ситуация незавидна, и предсказать, что случится дальше, трудно, я верю, что всё окончится благополучно.

Они прогуливались по заднему саду дома Тан Чжэня. Вдалеке розовое дерево осыпало лепестками, и зрелище было восхитительным.

Произнося эти слова, Е Бухуэй обернулась. Лепестки упали ей на плечо, придавая образу лёгкую, свободную грацию.

— Потому я надеюсь, что, когда всё закончится, ты сможешь жить счастливо и беззаботно.

Ся Сяюй дрогнула уголком губ.

— Думаешь, я могу сбиться с пути или превратиться в злодейку?

Е Бухуэй улыбнулась, и её улыбка вызвала в сердце лёгкое тепло и умиротворение.

— Можешь пошутить — значит, точно не собьёшься.

Ся Сяюй устремила взгляд вперёд.

— Думаю, ты знаешь, что в прошлом я прожила здесь очень, очень долго.

Е Бухуэй кивнула.

— Я знаю историю тебя и господина Тана.

Ся Сяюй обдумала слово «история», и вся сложная гамма чувств в конечном счёте растворилась в безразличии. Человек перед ней всегда был искренен, относился к ней как к живому, плоти и крови существу, а не просто к объекту задания. Даже если это была всего лишь «история», это уже не имело значения.

— В прошлой жизни вы любили друг друга глубоко. Любовь, должно быть, тоже своего рода одержимость. Вообще, любое чувство содержит в себе одержимость. Господин Тан ничего не помнит, и отсутствие одержимости меня не удивляет. Я просто...

Е Бухуэй, что было редкостью, подбирала слова.

— Просто не ожидала, что ты сможешь отпустить.

Выражение лица Ся Сяюй по-прежнему оставалось холодным, но в нём мелькнула неуловимая усталость — словно она пересекла бесчисленные горы и реки, но в конце пути не увидела дома. Она сказала:

— Всё, что было в прошлой жизни, подобно долгому сну. Возможно, я и вправду слишком погрузилась в ту жизнь, слишком привязалась, потому теперь чувствую, будто от меня осталась лишь горстка пепла.

В прошлой жизни её одержимость простиралась не только на любовь. То были и родственные узы, и дружба, и признание других, и доброта... Чем сильнее она жаждала, тем меньше получала.

— У человеческих чувств есть предел.

Е Бухуэй положила руку на плечо Ся Сяююй.

— Суметь отпустить — это хорошо. Жить для себя, пожалуй, легче всего. Я желаю тебе таких счастливых дней.

— Спасибо, — сказала Ся Сяююй. Этот человек всегда желал ей добра, и порой от этого становилось чуть менее одиноко и холодно.

— Мы всё время говорили обо мне, но я почти ничего не знаю о тебе и Мяомяо. Когда же мне представится возможность узнать вас получше?

Е Бухуэй спокойно ответила:

— О наших делах можно рассказать и сейчас. Вначале я не говорила много, потому что мы были чужими, да и тогда, столкнувшись с тем, кто занял твоё тело, ты, наверное, испытывала настороженность и неприязнь.

Ся Сяююй не стала отрицать, молча глядя на Е Бухуэй.

Е Бухуэй продолжила:

— Мы с ней... то есть, мы, те, кто работает под началом Верховного божества, — это люди, что умерли в своих мирах или попали в разного рода передряги, были избраны и получили второй шанс на жизнь.

[Снова настал час взвалить всё на Верховное божество, ха-ха. Говоришь такое без тени смущения?]

[Говорить ложь с открытыми глазами — базовый навык магистра, хе-хе.]

[Маленький желе и сегодня кусает платочек, горько страдая от того, что ему приходится брать

вину на себя.]

— Наша работа, или задача, — помогать таким маленьким мирам, как ваш, которые находятся на грани коллапса или столкнулись с бедствием из-за изменения изначального сюжета, — сказала Е Бухуэй.

Ся Сяюй спросила:

— А в чём причина коллапса миров? Неужели все они внезапно сталкиваются с пробуждением ужасов, как у нас?

Е Бухуэй покачала головой.

— Конечно, нет. Ваш случай — крайне редкое исключение. Чаще причины кроются в таких же прищельцах, как мы, что меняют изначальную траекторию мира, или в пробуждении главных героев. Например, ты.

— Я? — переспросила Ся Сяюй.

Е Бухуэй сказала:

— Ещё в прошлой жизни ты начала сомневаться в своей судьбе и возжелала перемен. Твоё перерождение, возможно, тоже было предопределено. Если бы ты в конечном счёте сломалась, этот мир также оказался бы под угрозой коллапса. Потому дать тебе шанс на перерождение — это способ мира спасти себя.

— Неужели? — Ся Сяюй покачала головой. — Такая паршивая судьба, такое амплуа главной героини... совсем не вызывает восторга.

Будь возможность выбора, кто бы отказался от спокойной, безмятежной жизни?

Тон Е Бухуэй оставался неизменно мягким и ободряющим.

— Ты уже приложила немало усилий, чтобы изменить свою судьбу. Я верю, что, если продолжишь идти, ты обязательно сможешь овладеть своей судьбой, выбрать свой собственный путь.

Она подняла взгляд и пристально посмотрела на Ся Сяюй.

— Но бороться с судьбой — не значит погружаться в трясину и тем более не значит погрязать во тьме.

Ся Сяюй поняла: та говорила о влиянии, которое оказала на неё смерть Юй Цяньцянь. Тогда в её сердце действительно родилось желание разрушать, и это было опасное состояние.

Даже позже, когда Е Бухуэй заперла её в даосском храме для тренировок и она постепенно успокоилась, жажда мести ничуть не ослабла.

Судьба — вещь эфемерная, и Ся Сяюй не могла ударить по ней кулаком. Но кто-то должен был заплатить за смерть Юй Цяньцянь.

— А какая выгода вашему боссу от спасения таких маленьких миров? — спросила Ся Сяюй.

Она уже переросла возраст, когда романтический порыв спасти мир казался разумным, и не верила, что в мире существуют бескорыстные благодеяния.

Е Бухуэй ответила:

— Полагаю, он, возможно, черпает из этих миров энергию. И, если говорить жестоко, все эти миры принадлежат ему. Их разрушение — всё равно что потеря собственного имущества.

Ся Сяюй кивнула, не выразив ни малейшей эмоции.

— Это, наверное, не твой первый мир с заданием?

Е Бухуэй кивнула, откровенно признав:

— Конечно, нет. Я побывала во многих мирах. В прошлый раз я оказалась в мире, полном крови и огня, рыцарей и мечей, роз и лунного света — нечто вроде западного фэнтези.

Она добавила с лёгким вздохом:

— Я даже не успела как следует отдохнуть пару дней, как меня снова перебросили в этот мир с заданием. Потому поначалу мой стиль речи и действий был ещё не совсем адаптирован.

Ся Сяюй кивнула.

— Это было заметно.

Она осторожно спросила:

— Каким был твой объект задания в прошлом мире?

Её интересовала не столько сама задача, сколько то, была ли Е Бухуэй столь же искренна с каждым. Когда всё здесь закончится, останется ли она в её памяти просто мимолётным знакомым?

Е Бухуэй покачала головой.

— Строго говоря, в прошлом мире у меня не было объекта задания. Когда я прибыла туда, один из главных героев уже погиб в результате несчастного случая, и сознание мира возложило его долю удачи и судьбу на меня.

<http://bllate.org/book/15396/1360244>